

ИСТОРИЯ

А. Г. Чердниченко

О религии древних индоевропейцев (по итогам анализа лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка)

Известные языковые семьи и языки возникали как в результате диалектного членения праязыков и развития из их диалектов новых языков, так и вследствие образования «языковых союзов», в ареалах которых происходили процессы пиджинизации, креолизации и гибридации языков [1; 2; 3; 4; 5, с. 419–501; 6, с. 191–239; 7; 8; 9, с. 34–61; 10; 11; 12; 13]. Несмотря на то, что раздробление индоевропейского праязыка (общего языка-предка) на диалекты было явлением достаточно ранним, в настоящее время не подвергается сомнению сам факт реального существования этого праязыка и этноса его носителей [7; 9, с. 52–61; 10, с. 26–67; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Индоевропейский этнос и его язык можно локализовать в пространстве и времени. Датировать их существование эпохами раннего неолита, мезолита или даже верхнего палеолита вряд ли возможно. Например, Н. Д. Андреев предложил реконструкцию лексической системы раннеиндоевропейского праязыка, состоящей из 203 биконсонантных корневых слов (силлабем) [25]. По мнению исследователя, раннеиндоевропейский праязык выделился из гипотетического «бореального праязыка», якобы предка раннеиндоевропейского, алтайского и уральского праязыков, в период перехода от позднего палеолита к раннему мезолиту. «Племена» носителей раннеиндоевропейского праязыка кочевали между Рейном и Днепром. К сожалению, автор «бореальной гипотезы» не задумался, были ли человеческие коллективы верхнего палеолита и мезолита племенами или речь должна идти о небольших родовых группах. Вызывает глубокие сомнения и правильность его реконструкции раннеиндоевропейского праязыка. Несостоятельность концепции Н. Д. Андреева заключается в том, что реконструируемые силлабемы представлены не только в индоевропейских, но и во многих других языках мира разных хронологических уровней. Как правило, они относятся к группам лепетной (детской) речи, звукоизображениям и звукоподражаниям. Разброс значений каждой реконструкции делает невозможным непротиворечивую реконструкцию семантического архетипа, а их фонетический облик совершенно невозможно подтвердить внутренней реконструкцией индоевропейского праязыка. Материалы Н. Д. Андреева могут служить иллюстрацией к типологии языка, но не к лингвистической генетике или ареалистике. Кроме того, датировка раннеиндоевропейского праязыкового состояния эпохами позднего палеолита и раннего мезолита резко противоречит известным социолингвистическим и хронологическим параметрам индоевропейского праязыка [16; 17; 18; 21; 23; 24; 26].

«Бореальная» гипотеза Н. Д. Андреева сходна с «ностратической» теорией [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40]. По мнению Х. Педерсена, В. М. Иллич-Свитыча и их последователей, реконструируемые индоевропейский, семито-хамитский (афразийский), картвельский, дравидийский, уральский и алтайский праязыки возникли в результате распада гипотетического «ностратического» праязыка (прапраязыка), носители которого якобы обитали в лесах Южного Урала и соседних регионов (Поволжья и Западной Сибири) 15–11 тысяч лет назад. Предполагается особая близость уральского праязыка «ностратическому» и географическая близость «ностратической» прародины к прародине уральских языков. Реконструируемые сино-тибетский, енисейский и северокавказский праязыки возводятся к гипотетическому «сино-кавказскому» праязыку (прапраязыку), в качестве первоначального ареала распространения которого рассматриваются Анатолия и сопредельные области Передней Азии IX—VIII тыс. до н. э. Однако не уточняется, какими могли быть коллективы носителей «ностратического» и «сино-кавказского» прапраязыков, если те существовали в эпоху мезолита. Сторонниками «ностратической» теории абсолютизируется фактор генетического родства языков, в то время как глоттогенез характеризуется еще и явлениями ареального схождения и типологического сходства идиом [41]. Кроме того, весьма спорен тезис об особой близости уральского праязыка и произошедшего от него финно-угорского праязыка, распавшегося во второй половине III — начале II тыс. до н. э., гипотетическому «ностратическому» праязыку [41; 42, с. 105–198; 43; 44, с. 138–340].

Остается дискуссионным вопрос о характеристиках человеческой речи в эпоху верхнего палеолита и эпоху мезолита [45; 46]. Что касается языковой ситуации в неолитическую эпоху, она наиболее адекватно реконструируется на основе наблюдений этнографов и лингвистов на острове Новая Гвинея [47, с. 128–153; 48, с. 35–62; 49, с. 375–382; 50, с. 48–49]. Там наблюдается континуум языков, диалектов и говоров, т.е. сохраняются состояние «первобытной языковой непрерывности».

На Новой Гвинее почти каждая деревня имеет свой особый язык, диалект или говор. Рассмотрим цепочку поселений А—Z. Житель каждой отдельной деревни регулярно общается с жителями соседних деревень, но не контактирует с жителями более удаленных поселений. Жители деревень А и В, говорящие на несколько различающихся диалектах (говорах), достаточно хорошо понимают друг друга. Жители деревни А могут общаться и с жителями поселений С и D, но уже с трудом, а вот жителей поселка Z они совершенно не поймут. По всей видимости, подобный языковой континуум охватывал в периоды неолита и энеолита всю ойкумену. Его реликтами были «*banana languages*» древнего Ближнего Востока и силлабо-морфемный язык «линейного письма А» на Крите [51, с. 91–92; 52, с. 59–66]. Из первобытного континуума и выделились праязыки известных языковых семей. Так, уже в IV тыс. до н. э. обособился шумерский язык, состоявший из «языка мужей» и «языка жен», т. е. диалектов *eme-gir* и *eme-sal* [53, с. 11–15; 54, р. 15–33, 285–294]. Существование «мужского» и «женского» языков можно объяснить тем, что древнейшие этносы являли собой общности, состоявшие из двух кровнородственных групп (мужской и женской).

Выделение индоевропейского праязыка из «первобытной языковой непрерывности» состоялось, скорее всего, в ту же эпоху, что и обособление шумерского языка, но не ранее. По крайней мере, отделение индоевропейских диалектов «группы *satəm*» от диалектов «группы *septum*» произошло только в конце III — начале II тыс. до н. э. Например, древнейшие письменные памятники хетто-лувийских языков, лишь слегка затронутых сатэмизацией, датируются XVIII—XVI вв. до н. э. [55, с. 8–28]. Индоевропейско-семитские и индоевропейско-древнеегипетские языковые контакты относятся к периоду, когда индоевропейские сатэмные (восточноиндоевропейские) диалекты полностью отделились от кентумных (западноиндоевропейских). Они являются, по сути, только восточноиндоевропейско-семитскими и восточноиндоевропейско-древнеегипетскими контактами [56; 57]. Их возникновение можно датировать II тыс. до

н. э. и связать с Ближним Востоком. Там, как известно, существовало индоевропейско-хурритское царство Митанни (XVI—XIII вв. до н. э.), в котором господствующее положение занимали носители сатэмных диалектов [1, с. 30–36; 58, с. 429–431; 59].

Что касается индоевропейского праязыкового состояния, оно характеризуется переходом от парадигматического типа языка к языку синтагматического типа [60, с. 157–163]. Вероятно, предковый вид индоевропейского праязыка до полураспада в конце III тыс. до н. э. на западную и восточную группы диалектов прошел следующие языковые состояния:

- 1) один или два из бесчисленных силлабо-тонических «диалектов» первобытного языкового континуума Старого Света («язык жен» и «язык мужей»);
- 2) обособившийся протоиндоевропейский диалект, который характеризуется контракцией слогов, окружающих слог лексико-семантического уровня; в результате этой контракции образовались корнеобразующие форманты индоевропейского праязыка: ***mī-râ- > *mī-r-;* ***mī-lâ- > *mī-l-;* ***mī-tâ- > *mī-t-;* некоторые, некогда полнозначные, силлабические морфемы постепенно превратились в основообразующие префиксы, аффиксы, инфиксы, суффиксы, тематические гласные и т. п., а другие некогда полнозначные силлабические морфемы стали источником серий будущих флексий;
- 3) диалектно расчлененный ранний индоевропейский праязык — язык номинативного строя со сложным вокализмом; в нем слово состояло уже из корневой морфемы, префикса, аффикса, иногда инфикса, суффикса и флексии; в раннем индоевропейском праязыке методами внешней и внутренней реконструкции выявлены фонемы (дюжина согласных, от одной до пяти гласных) и просодия (четыре тона).

Реконструкция фонетики и просодии раннего индоевропейского праязыка находит ближайшие соответствия и аналоги в праязыках центральноазиатского мира в понимании А. П. Дульзона [61; 62; 63; 64; 65]. Реконструируемое индоевропейское праязыковое состояние, т.е. тоновый индоевропейский праязык, языковой строй такого типа можно было бы локализовать где-то между сино-тибетским и уральским праязыковыми состояниями [60, с. 162–163].

Вследствие территориальной экспансии носителей диалектов индоевропейского праязыка из первичного центра их расселения, произошло отделение сатэмной общности от носителей кентумных диалектов.

Вопрос о локализации первичного центра распространения индоевропейского праязыка (именно праязыка, а не протоиндоевропейского диалекта) и, соответственно, ареала обитания индоевропейского этноса пока остается открытым. Британский исследователь Эндрю Колин Ренфрю в конце 80-х гг. прошлого века сформулировал революционную для гуманитарного знания идею: формирование праязыков известных языковых семей и генезис этносов носителей этих праязыков происходили в центрах «неолитической революции» [66; 67]. С «Плодородным полумесяцем» Передней Азии, в т. ч. с ареалами археологических культур эпохи неолита и энеолита Тель-Халаф и Эль-Убейд, скорее всего, связано выделение из первобытного языкового континуума шумерского, эламского, хаттского языков, хуррито-урартского, семитского праязыков [68; 69; 70; 71, р. 29–139]. Но обособление индоевропейского праязыка из «первобытной языковой непрерывности» и формирование протоиндоевропейского диалекта могло произойти не в ареале ближневосточного «Плодородного полумесяца», а в одном из периферийных центров «неолитизации».

По крайней мере, реконструируемый лексикон раннего индоевропейского праязыка характеризует мир этноса его носителей следующим образом [23; 24; 72, с. 190–251; 73; 74; 75; 76; 77; 78, S. 15–16, 107–108, 111, 198–199, 214–217; 79, S. 446, 482–483, 548, 554, 610, 632–633, 639–640, 653, 691; 80, S. 784, 1118–1120, 1131, 1170]:

- 1) древнейшие индоевропейцы обитали в гористой местности, изобиловавшей лесами, обширными долинами, а также реками, озерами и болотами;

- 2) из рыб им были точно известны лосось и форель (*lak-so-s; *lokso-);
- 3) отсутствие общеиндоевропейского названия для травы (вост.-и.-е. *koi-no-) свидетельствует, что степи не были обычным ареалом проживания индоевропейцев;
- 4) зато известны общеиндоевропейские названия дуба и бука (*deru-; *dreuə: *drū-; *bhāgō-s), пригодных для кормления скота;
- 5) индоевропейцы вели полукочевой образ жизни и занимались перегонным скотоводством и охотой (в т. ч. на диких быков) с использованием собак (*g^uou-, Nom. Sg. *g^ubus, Gen. *g^uous; *k^uon-, *k^un-);
- 6) они разводили в основном овец (*ōi-s, Gen. Sg. *ōiios; uer_cn-);
- 7) из domesticiрованных растений носители индоевропейского праязыка знали ячмень и, возможно, лен (*gherzd(h)-, Gen. *gh^herzd(h)-es; *gh^herzdā; *bhares-; *lī-no-);
- 8) индоевропейцам были известны обработка меди (*aios-), колесо и повозки (*k^uelo-, *k^uolo-, *k^uek^ulo-, *k^uok^ulo-; *uegh-no-);
- 9) вместо постоянных поселений носители индоевропейского праязыка имели временные сооружения типа краалей, предназначенные для людей и домашнего скота (*domo-, *domu-; *ueik-, *uik-, *uiiko-);
- 11) для индоевропейского социума была характерна пуналуальная семья;
- 12) расселение индоевропейцев происходило через обряд, известный в Древней Италии как «Священная весна» (Ver sacrum).

Какому именно локусу ойкумены соответствует реконструируемая картина мира носителей раннего индоевропейского праязыка, еще предстоит выяснить. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что индоевропейский этнос был создателем энеолитической археологической культуры Баден-Пецель-Болераз (ок. 3600–2800 гг. до н. э.) в Среднем Подунавье [81, с. 70–97; 82, с. 196–256; 83; 84; 85; 86; 87]. На формирование Баденской культуры оказала влияние энеолитическая культура Чернавода (ок. 4000–3200 гг. до н. э., ареал — территория современной Румынии) [84; 85; 88, с. 40–64]. В свою очередь, генезис культуры Чернавода связан с экспансией носителей Среднестоговской археологической культуры эпохи энеолита (ок. 4500–3500 гг. до н. э.), распространенной в Днестро-Донском междуречье [89, с. 156–172, 291–320; 90].

В любом случае, мир носителей раннего индоевропейского праязыка не был миром жрецов-сказителей, царей-воителей и свободных общинников, как это рисует теория Ж. Дюмезиля [91]. Мир носителей раннего индоевропейского праязыка был миром воинственных охотников и скотоводов эпохи энеолита. И он был весьма суров. Об этом свидетельствует большое количество индоевропейских глаголов лексико-семантического поля «резать» [73, р. 552–567; 78, S. 107, 133–135, 138, 175–179, 272, 332–333, 338; 79, S. 401–402, 434, 470–471, 541–542, 545, 551, 571, 586, 636, 674, 681–682, 697, 760; 80, S. 818–819, 821, 827–828, 835, 857–858, 865, 895–896, 938–947, 954, 972–973, 974, 977, 985–987, 992–993, 1050, 1071–1073, 1099, 1102, 1108, 1144–1145, 1147, 1163–1164, 1169–1171]. Их насчитывается около 60 (например, *dā-/ *dē- ‘резать, рвать’, *d^hb- ‘резать, заострять’, *gleub^h- ‘резать’, *sek-/ *ke-/ *skē-/ *sē- ‘резать, рвать’, *sueg- ‘резать, колоть’, *tcei- ‘рубить, бить острым инструментом’, *uēn- ‘бить острым, ранить’ и т. д.).

Однако неправильно было бы утверждать, что индоевропейский этнос вообще не создал духовной культуры. Например, истоки поэзии индоевропейских народов явно восходят к эпохе бытования раннего индоевропейского праязыка. Возникновение поэзии связано с обрядами инициаций, во время которых сакральные генеалогические предания передавались старейшинами молодежи племени в устной форме. Иницируемые легче запоминали рифмованные тексты. Собственно поэзия и метрика получили дальнейшее развитие в позднеиндоевропейский период, после разделения носителей кентумных и сатэмных диалектов [21, р. 352–367, 423–441; 92; 93; 94; 95; 96; 97].

Ключевым для характеристики духовной культуры этноса индоевропейцев представляется анализ лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка.

Индоевропейская лексика (общеиндоевропейская и представленная в нескольких группах дочерних языков), связанная с религиозной формой общественного сознания, весьма скудна. Отсутствуют общеиндоевропейские лексемы «бог», «дух», «душа», «сила», «святой», т. е. у древнейших индоевропейцев отсутствовало вообще вербальное обозначение могущественной внешней силы, необоримой и много превышающей человеческие возможности. Позднее ареальное гетерогенное происхождение имеют индоевропейские глаголы «молить(ся)», «жертвовать», «петь», «хвалить», «хулить» и многие другие.

Единый практически общеиндоевропейский теоним, представленный в индоиранских, балтийских, германских, кельтских, латинском языках, в диалектах эллинского языка, это — *diu-, *dieu-, *deiços ‘of the daylight, дневного света’, *diçinos ‘divine, божественный’, *djuniper ‘juniper, можжевельник’, *djunõna, ‘Iuno, Junona’, *diupater, *dyeuspater ‘Iup(p)iter, Ζεύς πατήρ’, *diut ‘daylight, дневной свет’ [73, p. 1464–1465; 78, S. 183–186; 98, с. 53–54; 99, p. 399, 429–430; 100, S. 1286–1296; 101, p. 497–500; 102, S. 731–732]. Первичное значение данного теонима — «имеющий природу света, дневного света». Обозначаемое — небесная сила, метающая метеориты и молнии. Теоним *diu-, *dieu-, *deiços, *diupater, *dyeuspater тесно сопряжен с термином родства «отец», который выступает устойчивым его определением. Дьеус, таким образом, был включен в генеалогию первичной индоевропейской фратрии, считался всеобщим отцом фратрии.

К сожалению, общеиндоевропейский теоним для женской пары Дьеуса не обнаруживается, а он, судя по всему, существовал изначально. Ясно только, что это был концепт Земли-матери, всеобщей праматери индоевропейского женского рода, сестринства. Ср. др.-инд. dyāvā-bhūmi dual., dyāvā-kṣam dual., dyāvā-kṣāmā dual., dyāvā-pr̥thivī dual. ‘небо и земля’ [98, с. 53–54; 101, p. 499–500; 103, с. 290].

Широко распространен в нескольких группах индоевропейских языков (индоиранской, славянской, эллинской, латинской) апофонический глагольный корень *iag-, *iæg-, *ig-, *eig- (др.-инд. yāga- & yajati, др.-перс. yaza’tē & yiz; праслав. *jьgra & *jьgrati; др.-греч. ἄγιος & ἀγῦρος; лат. prodigium), первичное значение которого реконструируется в виде «совершать обрядовые действия, ритуальное застолье, ритуальный танец, ритуальные игры и единоборства, священнодействовать», с заметным коллективным, общинным, общенародным характером этих священнодействий [101, p. 839, 850; 79, S. 501–502; 104; 105, S. 235; 106, p. 25–26, 91; 107, S. 304; 108, S. 480–481; 109, S. 368]. Обозначаемое — общинные обряды, танцы, игры, единоборства, общее застолье, приуроченные к определенному месту и времени даже на архаичной стадии «безмолвного богопочитания» [110, с. 65–90, 205–252, 355–388; 111, с. 227–256; 112, с. 196–208, 235–238].

Важное дополнение к обширной литературе о роли института prodigium в религии, политике и словесности Рима сделал А. Е. Кузнецов [113]. Уточнение семантики термина, по его мнению, возможно в результате подправки античного комментатора: “Prodigium..., quod [porro pro] longius [in futurum] dirigit significationem» (Serv. ad Aen. II, 681). Prodigium понимается как чудо или знамение (пророческий сон), указывающее не на любое событие, но предписывающее совершение впредь, в будущем, определенных ритуальных действий [113, с. 276–277, 280–281]. Однако относительно возможной этимологии на базе науки Марка Теренция Варрона А. Е. Кузнецов высказывается отрицательно. С устранением варроновских свидетельств утратятся основания, по которым ago ‘закалывать жертвенное животное’ (в ритуальном смысле ἀγών?) может быть сведено к ago ‘вести, делать’. Восстанавливаемая на основе предлагаемого автором членения *prod-ig-ium самостоятельная лексическая единица -ig- является продолжением и.-е. *iag- ‘совершать жертвоприношение, ритуал, очистительный обряд и т. п.’, ср. др.-греч. ἄγ-, др.-перс. yaz-, др.-инд. yaj-, праслав. *jьg- [113, с. 281].

К сожалению, этот корень не представлен в кельтских и германских языках. Но он оказался в древнетюркских надписях, выполненных монументальным «руническим» письмом VIII в. н. э. [114; 115; 116; 117]. Надписи на углах памятника Кюль-тегина также дают пищу для размышления [115, с. 19–55]. В сообщении о принесении в жертву четырех тысяч голов скота привлекает внимание глагол jaǵmīš (jaǵ- ‘приносить жертву’, если это не joǵ- ‘совершать погребение, похороны?’). Он не попал в перечень

общетюркских и межтюркских основ на буквы ж, й [118, с. 55–67]. Предполагаем в данном случае заимствование из буддийского санскрита или индоарийского языка Крорайны (Krogaimna, Лоулань), ср. др.-инд. yāga- ‘жертва, пожертвование’ [101, р. 850; 103, с. 528; 119, с. 10–11, 265–273].

И.-е. *dā[i]- ‘резать жертвенное животное, даровать жертву’ дополняет и.-е. *iag- ‘совершать жертвоприношение, ритуал, очистительный обряд и т. п.’ [78, S. 175–179].

Почти общеиндоевропейский статус имеет лексема *nāus, косв. пад. *nāu-, тесно сопряженная с индоевропейским похоронным ритуалом [79, S. 755–756]. Первичные значения: «плавательное судно», «мореплаватель», «смерть, труп», «обиталище, жилище». Обозначаемое: плавательное судно, сколь угодно примитивное (вариант — ладья на колесах), используемое в обряде погребения мертвеца, чаще всего кремации, как на суше, так и в реке или море. Кроме того, этот концепт лежит в основе индоевропейской храмовой архитектуры — нефа (лат. navis ‘корабль’, франц. une nef ‘корабль’ и la nef d’église ‘церковный неф’ в конечном счете восходят к и.-е. *nāus, ср. др.-греч. ναός, νηός, νεός ‘храм’). Индоевропейский концепт *nāus долго являл пережитки в дочерних традициях от лодки Харона до славянских навьев или навий [112, с. 189–191; 120, с. 271; 121, с. 49–53]. У этого слова есть религиозный аспект в виде названия навьего дня (навьскын великъдънь) — общинного дня поминовения мертвых [120, с. 271; 121, с. 52–53; 122, с. 27–36].

В нескольких группах индоевропейских языков представлены продолжения глагольного корня *bheidh- ‘убедить, победить, принудить’: скифское царское имя Ἄριαλειθεός, Ἄριαλειθεί, Ἄριαλειθης, Σταρυαλειθεός (Herodot. IV, 76; IV, 78) можно толковать, исходя из др.-греч. πείθω, πείθομαι, πείσσω, πείσομαι ‘убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться’ [123, с. 255, 295; 124, с. 54–58]. Этот глагол имеет старые религиозные коннотации.

Итак, анализ лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка показывает, что индоевропейская лексика, связанная с религиозной формой общественного сознания, удивительно скудна. Отсутствуют общеиндоевропейские лексемы «бог», «дух», «душа», «сила», «святой». Позднее ареальное гетерогенное происхождение имеют индоевропейские глаголы «молить(ся)», «жертвовать», «петь», «хвалить» и «хулить» и т. п. Единственный почти общеиндоевропейский теоним — *diu-, *dieu-, *deiuos, *dīupāter, *dīeuspāter. Первичное значение данного теонима — «имеющий природу света, дневного света». Обозначаемое — небесная сила, метающая метеориты и молнии. Теоним *diu-, *dieu-, *deiuos, *dīupāter, *dīeuspāter тесно связан с термином родства «отец», который выступает устойчивым его определением. Дьеус, судя по всему, был включен в генеалогию первичной индоевропейской фратрии, считался всеобщим отцом фратрии. Общеиндоевропейский теоним для женской пары Дьеуса не обнаруживается, но он, по всей видимости, изначально существовал. Ясно только, что это был концепт Земли-матери, всеобщей праматери индоевропейского женского рода, сестринства. В целом же, религиозные верования носителей раннего индоевропейского праязыка соответствовали архаичной стадии «безмолвного богопочитания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барфой Т. Санскрит: Пер. с англ. — М., 1976.
2. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. — 2-е изд. — М., 2002.
3. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. — 2-е изд. — М., 2004.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: Пер. с фр. — М., 2002.
5. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.
6. Ольдерогге Д. А. Эпигамия: Избранные статьи. — М., 1983.

7. *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области: Пер. с нем. — 2-е изд. — М., 2003.
8. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. — 2-е изд. — М., 2002.
9. *Сосстор Ф. де.* Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. — М., 2000.
10. *Сравнительно-историческое* изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. — М., 1988.
11. *Толстов С. П.* Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика // КСИЭ. — 1946. — Вып. 1.
12. *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. — 1958. — № 1.
13. *Griechische und lateinische Sprachwissenschaft* / Bearbeitet von K. Brugmann, F. Stolz, J. G. Schmalz, G. Autenrieth, F. Heerdegen, R. Volkmann und H. Gleditsch. — 2 Aufl. — München, 1890.
14. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Ч. 1. — Тбилиси, 1984.
15. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Ч. 2. — Тбилиси, 1984.
16. *Герценберг А. Г.* Краткое введение в индоевропеистику. — СПб., 2010.
17. *Одфи Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
18. *Тронский И. М.* Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). — Л., 1967.
19. *Krabe H.* Indogermanische Sprachwissenschaft. — Berlin, 1943.
20. *Mallory J. P.* In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. — L., 1992.
21. *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. — Oxford, 2006.
22. *Meringer R.* Indogermanische Sprachwissenschaft. — 3 Aufl. — Leipzig, 1903.
23. *Schrader O.* Die älteste Zeittheilung des indogermanischen Volkes. — Berlin, 1878.
24. *Schrader O.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums. — Jena, 1883.
25. *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. — Л., 1986.
26. *Beekes R. S. P.* Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. — Amsterdam; Philadelphia, 1995.
27. *Вийтсо Т.-Р.* Спорные проблемы уралоистики, важные для ностратики // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
28. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). — Т. 1: Введение. Сравнительный словарь (b—q). — М., 1971.
29. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). — Т. 2: Сравнительный словарь (l—z). Указатели. — М., 1976.
30. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). — Т. 3: Сравнительный словарь (p—q) (по карточкам автора). — М., 1984.
31. *Пейрос И. И.* Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток: Этнокультурные связи. — М., 1988.
32. *Пейрос И. И.* Лингвистические аспекты изучения древнейшей этнической истории Южной Азии // Истоки формирования современного населения Южной Азии. — М., 1990.
33. *Поленова Г. Т.* Енисейско-ностратические параллели в области местоименных слов // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
34. *Смирнов Ю. И.* Ностратические исследования и фольклор // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.

35. *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.) / Институт востоковедения АН СССР. — Ч. 1. — М., 1989.
36. *Герентьев В. А.* Ностратические этимологии // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
37. *Герентьев В. А.* Ностратические этимологии // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика»: Тез. докл. — М., 1991.
38. *Хелимский Е. А.* К топохронологии уральско-алтайских этноязыковых связей // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика»: Тез. докл. — М., 1991.
39. *Яхонтов С. Е.* В защиту аустро-тайской гипотезы // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
40. *Яхонтов С. Е.* Прародина ностратических языков // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика»: Тезисы докладов. — М., 1991.
41. *Серебрянников Б. А.* Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы? // ВЯ. — 1986. — № 3.
42. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистуку. — Ижевск, 1997.
43. *Напольских В. В.* Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова). — М., 2010.
44. *Хайду П.* Уральские языки и народы: Пер. с венг. — М., 1985.
45. *Вишняцкий А. Б.* Происхождение языка: Современное состояние проблемы (Взгляд археолога) // ВЯ. — 2002. — № 2.
46. *Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. — М., 1985.
47. *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху: Пер. с англ. — М., 1986.
48. *Бутинцов Н. А.* Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). — СПб., 2000.
49. *Народы мира: Этнографические очерки. Народы Австралии и Океании.* — М., 1956.
50. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Расы. Культуры. — 2-е изд. — М., 1985.
51. *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. — Ч. 1: Месопотамия.* — М., 1983.
52. *Молчанов А. А.* Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). — М., 1992.
53. *Канева И. Т.* Шумерский язык. — 2-е изд. — СПб., 2006.
54. *Thomsen M.-L.* The Sumerian Language: An Introduction to Its History and Grammatical Structure. — Copenhagen, 1984.
55. *Иванов В. В.* Хеттский язык. — 2-е изд. — М., 2001.
56. *Бомхард А. Р.* Пересмотр индоевропейско-семитской гипотезы // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
57. *Бомхард А. Р.* Придыхательные смывные в праиндоевропейском // ВЯ. — 1992. — № 2.
58. *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I—IV. — М., 1989.
59. *Freu J.* Histoire du Mitanni. — P., 2003.
60. *Герценберг А. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. — Л., 1981.
61. *Быконя В. В., Кузнецова Н. Г.* Самодийское направление лингвистической школы А. П. Дульзона // ВЯ. — 2000. — № 3. — С. 12 — 20.
62. *Галкина Т. В., Осипова О. А.* А. П. Дульзон и его школа // ВЯ. — 2000. — № 3.
63. *Дульзон А. П.* Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 3. — Томск, 1970.
64. *Дульзон А. П.* Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 4. — Томск, 1971.
65. *Дульзон А. П.* Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 5. — Томск, 1972.

66. *Renfrew C.* The Origins of Indo-European Languages // *Scientific American*. — 1989. — № 10.
67. *Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. — N. Y.; Cambridge; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990.
68. *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока: Пер. с англ. — М., 1982.
69. *Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East*. — Chicago, 2010.
70. *Lamberg-Karlovsky C.* The Proto-Elamites on the Iranian Plateau // *Antiquity*. — 1978. — Vol. 205.
71. *The Archaeology of Western Iran: Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest*. — Washington; L., 1987.
72. *Йорданов Ст.* Проблеми на потестарно-политическата и историческата етнология. — Ч. 1. — Велико Търново, 2009.
73. *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. — Chicago; L., 1988.
74. *Gubernatis A. de.* Zoological Mythology or the Legends of Animals. — Vol. 1. — L., 1872.
75. *Gubernatis A. de.* Zoological Mythology or the Legends of Animals. — Vol. 2. — L., 1872.
76. *Gubernatis A. de.* La mythologie des plantes ou les légendes du royaume végétale. — T. 1. — P., 1878.
77. *Gubernatis A. de.* La mythologie des plantes ou les légendes du règne végétale. — T. 2. — P., 1882.
78. *Рокорну Ј.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bd. I. — Bern; München; Wien, 1959.
79. *Рокорну Ј.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bd. II. — Bern; München; Wien, 1959.
80. *Рокорну Ј.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bd. III. — Bern; München; Wien, 1959.
81. *История Европы*. — Т. 1: Древняя Европа. — М., 1988.
82. *Монгайт А. А.* Археология Западной Европы. Каменный век. — М., 1973.
83. *Титов В. С.* Совместные исследования советских и венгерских археологов в Венгрии // *КСИА*. — Вып. 180. — М., 1984.
84. *Bondár M.* Thoughts on Continuity (The Baden culture) // *Antaeus*. 19–20 (1990–1991). — Budapest, 1991.
85. *Bondár M.* Contacts of the Early Period of the Baden Culture in the Light of a Unique Vessel Type (The problem of the so-called Bratislava type bowls) // *Antaeus*. 25 (2002). — Budapest, 2002.
86. *Häusler A.* Der Ursprung des Wagens in der Diskussion der Gegenwart // *Archäologische Mitteilungen in der Nordwestdeutschland*. — Heft 15. — Oldenburg, 1992.
87. *The Baden Complex and the Outside World* / Edited by M. Furholt, M. Szmyt and A. Zastawny, in cooperation with E. Schalk. — Bonn, 2008.
88. *Федоров Г. Б., Полевой А. А.* Археология Румынии. — М., 1973.
89. *Археология Украинской ССР*. — Т. 1: Первобытная археология. — К., 1985.
90. *Телегин Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973.
91. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев: Пер. с фр. — М., 1986.
92. *Елизаветенкова Т. Я.* Об искусстве ведийских риши // *Переднеазиатский сборник*. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. — М., 1986.
93. *Майрхофер М.* Санскрит и языки древней Европы: Два века открытий и диспутов // *Новое в зарубежной лингвистике*. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
94. *Топоров В. Н.* Indo-Iranica: к связи грамматического и мифо-ритуального // *Переднеазиатский сборник*. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. — М., 1986.

95. Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
96. Уэст М. Л. Индоевропейская метрика // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
97. West M. L. Indo-European Poetry and Myth. — Oxford, 2007.
98. Елизаренкова Т. Я. Древнейший памятник индийской культуры // Ригведа: Избранные гимны / Пер., коммент. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. — М., 1972.
99. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. — Т. 2. Е—К. — Р., 1970.
100. Holder A. Alt-Celtischer Sprachschatz. — Bd. I. — Graz, 1961.
101. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged, with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. — Oxford, 1960.
102. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — 3 Aufl. — Bd. I: A—L. — Heidelberg, 1938.
103. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — 2-е изд. — М., 1987.
104. Жуйкова М. В. Праславянский глагол *jьgrati: Прототипическая референция и семантика // Международная конференция «Северное Причерноморье: К истокам славянской культуры». VII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева: Материалы (Феодосия, 10–15 сентября 2012 г.) / Институт русского языка РАН, Институт языковедения НАНУ. — К.; М.; Феодосия, 2012.
105. Bartholomae Cbr. Handbuch der altiranischen Dialekte (kurzgefasste vergleichende Grammatik, Lesestücke und Glossar). — Leipzig, 1883.
106. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. — Т. 1. А—Δ. — Р., 1968.
107. Geiger W. Handbuch der Awestasprache. Grammatik, Chrestomathie und Glossar. — Erlangen, 1879.
108. Reichelt H. Awestisches Elementarbuch. — Heidelberg, 1909.
109. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — 3 Aufl. — Bd. II: M—Z. — Heidelberg, 1954.
110. Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. — М., 1989.
111. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990.
112. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. — 2-е изд. — М., 2003.
113. Кузнецов А. Е. Древняя этимология латинского *prodigium* (Varro Fr. 440 Funaioli) // *Hrdā mānasā*: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Леонарда Георгиевича Герценберга. — СПб., 2005.
114. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. — СПб., 2006.
115. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.
116. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. — М.; Л., 1952.
117. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959.
118. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Э. В. Севортян, А. С. Левитская. — М., 1989.
119. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории / Под ред. С. А. Тихвинского, Б. А. Литвинского. — М., 1988.
120. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. / В. Я. Петрухин и др. — М., 1995.
121. ЭССЯ. — Вып. 24: *navijati(šę) / *navivati(šę) — *perodimъ(jь). / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1997.
122. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. — М., 2003.
123. Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология. 2009–2011. — М., 2012.
124. ЭССЯ. — Вып. 2: *bez — *bratъ / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1975.

Резюме

Чередниченко А. Г. *Про релігію стародавніх індоєвропейців (за підсумками аналізу лексико-семантичного поля «релігія» ранньої індоєвропейської прамови)*

Стаття присвячена аналізу лексико-семантичного поля «релігія» ранньої індоєвропейської прамови. Аналіз показує, що індоєвропейської лексики, яка пов'язана з релігійною формою суспільної свідомості, дуже мало. Відсутні загально індоєвропейські лексеми «бог», «дух», «душа», «сила», «святий». Пізніє ареальне гетерогенне походження мають індоєвропейські дієслова «молити(ся)», «жертвувати», «співати», «хвалити», «хулити» й т. п.

Ключові слова: релігія, теонім, лексико-семантичне поле, рання індоєвропейська прмова, «мовчазне богопоклоніння».

Резюме

Чередниченко А. Г. *О религии древних индоевропейцев (по итогам анализа лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка)*

Статья посвящена анализу лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка. Указанный анализ показывает, что индоевропейская лексика, связанная с религиозной формой общественного сознания, скудна. Отсутствуют общеиндоевропейские лексемы «бог», «дух», «душа», «сила», «святой». Позднее ареальное гетерогенное происхождение имеют индоевропейские глаголы «молить(ся)», «жертвовать», «петь», «хвалить», «хулить» и т. п.

Ключевые слова: религия, теоним, лексико-семантическое поле, ранний индоевропейский праязык, «безмолвное богопочитание».

Summary

A. Cherednichenko. *About the Religion of the Ancient Indo-Europeans (Resulting from the Analysis of the Lexical-Semantic Field “Religion” of the Early Indo-European Proto-Language)*

The article is devoted to analysis of the lexical-semantic field “religion” of the Early Indo-European proto-language. The analysis shows that the Indo-European lexicon, related to the religious form of public consciousness, is scarce. There are no common Indo-European lexemes “god”, “spirit”, “soul”, “power” and “saint”. The Indo-European verbs “to pray”, “to sacrifice”, “to sing”, “to praise” and “to blaspheme”, etc. have later areal heterogeneous origin.

Key words: religion, theonym, lexical-semantic field, the Early Indo-European proto-language, “silent worship of gods”.

